

Глеб Иванович Успенский

Вольные казаки

Глеб Иванович Успенский

Вольные казаки

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664165*

Аннотация

«...Человек «в этаким виде», слова которого мне пришлось услышать, невольно обратил на себя мое внимание. Что-то чрезвычайно знакомое послышалось мне в его словах, и не столько в самых словах, сколько в манере, в тоне, которым они были сказаны. Не то чтобы я видел где-нибудь именно этого человека, находившегося «в этаким виде», – я только вспомнил, благодаря его манере и тону разговора, что на моем веку мне уже не раз приходилось слышать эту манеру разговора и этот тон и что они почему-то меня интересовали. Не умея дать себе отчета в этом и все-таки интересуясь человеком «в этаким виде», я подошел к нему поближе и постарался рассмотреть повнимательнее.

Человек «в этаким виде» был то, что называется «верзило»; на обертках лубочных изданий Никольского рынка в таком именно виде изображают обыкновенно фигуры «витязей» ...»

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глеб Иванович Успенский

Вольные казаки

1

– Далеко ли же, собственно, едете-то?

– Да пока что хорошенько-то еще и не обдумали... Мало ли местов-то!.. Новороссийск – вот, говорят, теплое место готовится... В Батуме тоже, сказывают, не холодно... Екатеринодар... Ну да и Ростов нашего брата не обижает...

– А по какой же части-то вы?

– Да по какой угодно! Какая часть подвернется под руку, та и наша!.. Ха, ха, ха!.. Ты не гляди на меня, что я пока что в таком виде. Это со мной сколько раз бывало, а потом попадешь в струю – и сам себя не узнаешь!

Разговор этот, между множеством всякого рода других разговоров, происходил на галерейке третьего класса одного из пароходов Зевеке, шедшего по Волге к Царицыну, в один из ясных и светлых дней нынешнего лета. Человек «в таком виде», слова которого мне пришлось услышать, невольно обратил на себя мое внимание. Что-то чрезвычайно знакомое послышалось мне в его словах, и не столько в самых словах, сколько в манере, в тоне, которым они были сказаны. Не то чтобы я видел где-нибудь именно этого человека, находив-

шегося «в этаким виде», — я только вспомнил, благодаря его манере и тону разговора, что на моем веку мне уже не раз приходилось слышать эту манеру разговора и этот тон и что они почему-то меня интересовали. Не умея дать себе отчета в этом и все-таки интересуясь человеком «в этаким виде», я подошел к нему поближе и постарался рассмотреть повнимательнее.

Человек «в этаким виде» был то, что называется «верзило»; на обертках лубочных изданий Никольского рынка в таком именно виде изображают обыкновенно фигуры «витязей»: шлем, под шлемом таинственные глаза и храбро расправленные усы; нос не всегда виден на этих рисунках, ко всегда удачно изображенное истуканство общей фигуры не утруждает внимание зрителя мелочами, и, не замечая носа, вы все-таки видите, судя по усам и истуканству, что это, должно быть, непременно «витязь». С первого же взгляда на человека «в этаким виде» бросалось в глаза именно его истуканство, топорно приделанные под бесформенным носом топорные усы, таинственные бледно-серые глаза на широком, ничего не выражающем лице и весьма пространный рот; этот большой, весьма подвижной во время разговора рот, составляя существеннейшую черту всего истуканского облика человека «в этаким виде», делал понятным всю топорность, тяжеловесность и огромность его фигуры и был как бы указателем того, что в фигуре этой прежде всего надобно видеть «пасть», а уж все остальное само собой приходилось к ней.

Не было на этом истукане шлема и воинских доспехов; на голове надета была плоская широкополая соломенная шляпа, а на теле – почти воздушная парусинная пара, уже приведенная в нищенское состояние и так же подходившая к этому исполинскому телу, как к волку вместо волчьей шкуры подходила бы нежная шерсть кролика. Во всяком случае это истуканное существо выделялось из общего уровня физических размеров, доступных современному обывателю, и, продолжая напоминать мне что-то уже знакомое, настоятельно требовало ближайшего с ним знакомства.

– Теперь я на что похож? У меня вон всего-навсего и имущества-то осталось: пара галош да зонтик, а я надеюсь на бога! Пойдет струя – и опять пошел в ход!.. Теперь на мне шапка, видишь, какая? А случись струя – хватъ, и цилиндр на темя вскочил, а пожалуй, и шапокляк под мышкой зашевелился!.. Моя, брат, жизнь – тайна! Ежели мою жизнь описать, так это будет полный роман... Я уж пробовал писать, только все недосужно...

Истукан, сидевший за чайным столом с компанией попутчиков и собеседников, пивших чай и закусывавших хлебом и арбузами, проворно опустил руку в боковой карман, вытащил оттуда пачку каких-то бумаг и стал в них рыться.

– Всё адреса. Вот письмо князя Махоркина: «Любезный Мартын Петрович! не откажите мне в вашем благосклонном содействии...» Всего бывало! Это вот от пароходного общества «Север» телеграмма: «Прошу покорнейше отпра-

вить двести пятьдесят тысяч...» Всего было! Всего не перемотришь! Это вот купчиха: «Милый мой и неоцененный!...»

При этих словах вся компания ослабилась и весело захохотала:

– Хе, хе, хе! Ишь какие там у него!

– У меня, братцы, всего много! Я вот ищу начало романа... Моя биография... А, вот!

Он вынул какой-то лоскут, расправил его рукой, кашлянул и, спотыкаясь на каждом слове, прочитал:

«..Полулежа в третьем классе на моем плече и предавшись утомительному сну...

«Милая жена моя, – говорил я сам себе, – какова судьба наша!.. Сейчас ты выгнана из дому, захвативши прямо из печки мокрое белье в узле, но давно ли я был с тобою грациозен и в коляске парой вороных, по направлению к гостинице «Балканы» в Серпухове, с полутора тысячам рублям в боковом портмоне, и мы устремлялись из храма...»

– Так ты женат, стало быть? – спросили истукана.

– Женат, как же! Моя жена теперь в Москве остается. Жену я свою, можно сказать, вполне обеспечил. Она у меня обеспечена! А сам я, пока что, позволяю себе поискать чего поприятней... И вот как думаю: непременно попаду опять на струю! Это, что я читал, это только прискорбный эпизод. Но оно у меня всегда так... Кажется, вот пропасть, глядь – внезапно оказываешься в полном великолепии!

– Да ты из каких будешь-то? – довольно серьезно спросил

истукана один из собеседников; все собеседники были хоть и маленькие, а деловые люди.

– Я-то? Я, братец мой, неизвестного происхождения. Маменька моя была просвирня... И про отца говорят, что будто убили на войне... Но я, по соображениям и постепенному наблюдению, вижу, что так как имение было князей Нагайских и как князь Нагайский захаживал в просвирню и гладил меня по голове, то ввиду этого нельзя отрицать кровосмешения высшей степени крови. И я чувствую это и полагаю, что кровь сказывается и действует. От этого самого мне во всяком случае выходит предпочтение! И мне счастье идет с детских времен... Откуда, спрашивается, я имею дар слова? А ведь у меня с детства блестящий слог! Однава я свою мать собственную два месяца, с дозволения сказать, так искусно надувал, что даже она понять не могла, пришла в удивление...

– Эко у тебя ум-то какой! Мать родную надул. Должно быть, что уж умен ты...

– Я тебе говорю к примеру. Маменька мне простила, удивилась... Чего худого? Дело детское, а ты поди попробуй: соври каждый день на новый манер, так и узнаешь, велико ли в тебе дарование... Нет, не соврешь! День соврешь, и два, и три... А ты два месяца ври, так на это надобно особенную кровь!

– Чего же ты врал-то?

– А в училище не ходил. Книги завяжу в узел, все как

должно для школы приготовить, а сам марш в поле, а ворочусь – расскажу, как что было и чему учили... Попробуй!

– Искусно!

– Так искусно, что когда мать-то дозналась да выдрала меня, так все-таки не могла налюбоваться на меня. Сама же мне и гостинцев накупила... «Недаром в тебе грациозная кровь!» И так всегда в моей жизни. Накажут – и сейчас же погладят и превознесут. Когда мать-то дозналась, что я ее обманываю, отдала меня дьякону – «теперь, говорит, будешь на моих глазах!» Попросила дьякона как можно строже смотреть. И точно: за волосы он меня первым делом отодрал крепко, а потом говорит: «На-ко, поддержи ребенка, понянчай, мне некогда». А потом: «На-ко, покорми кашей ребенка!» И вышло так, что нет мне ученья никакого, никто не беспокоит, а сижу я с ребенком и всегда съем у него кашу... Целый горшок съешь и уйдешь. «Учились?» – «Учились, как же!» Ну, маменьке и спокойно, да и мне приятно – каша молочная... Подумаешь, как будто бы надо мной есть перст указующий. Как же: раз только попробовала меня маменька отдать в трактир «мальчиком».

Больно мне не хотелось туда идти; плакал, – ну все-таки маменька отвела. Встречаю доброго человека, старого полового; полюбил меня, делает разные указания и говорит: «Когда будешь подавать чай в праздник и народу будет много, так ты, говорит, не все деньги хозяину за буфет отдавай, а понемногу бросай себе за голенище...» Сейчас я понял – и

в тот же день набил голенища так, что ноги не двигаются; в одном сапоге на три с четвертью набросал, а в другом – на четыре с лишком. Завязал я эти деньги в платок да ночью, богу помолясь, и упер к маменьке...

Веселым хохотом компания приветствовала повествование верзилы о его юношеских успехах, и, ободренный общим вниманием и интересом к этому повествованию, верзило воодушевился и принялся передавать публике эпизоды своей жизни, один блистательнее другого.

– Это что!.. То ли бывало! А вы вот что разберите: по семнадцатому году являюсь в Москву; иду куда глаза глядят; прихожу к дому – «ткацкая фабрика купца Орехова»; вхожу в контору: сидит за самоваром толстая женщина немолодых лет – хозяйка дома... «Чего тебе, говорит, мальчик?» – «Да вот, говорю, сударыня, ищу места». – «Какого же ты желаешь места?» – «Да какое случится...»

А ведь я ни по какой части не происходил еще... Подумала, поглядела на меня прямо в глаза, помолчала, подозвала меня к себе, погладила по головке, еще поглядела прямо так в самое мое лицо – «ну, говорит, поцелуй меня и не беспокойся. Место тебе будет!» Н-ну...

Шумными одобрениями разразилась окружающая рассказчика публика.

– Так я как сыр в масле пять лет пребывал на этом положении – расстаться не может! Денег полны карманы, зайдешь в ресторан, выкинешь рубль серебром, хлопнешь лимо-

наду с коньяком, – сдачи не надо!.. Извозчик! Сел на рысак, подкатил куда повеселее, выбросишь рублевку – пожди, провел время на две красных... Это и внимания не составляло!.. И такое мне было райское житье, что, кажется, умри хозяйкин муж (хворый он был), быть бы мне полным хозяином. Да проведали об этих делах сродственники да какие-то попы старообрядческие, да и командировали Для ревизии своего попа Гаврилу... Я не плохо скроен, а уж он – так и господь знает, что за монумент... Рыжий, огромный, суровый... Сижу я в конторе перед туалетом; вижу, входит монах этот самый. Вошел, помолился на образа. Молился он долго, на меня не смотрел и ни слова не говорил. Потом сделал земной поклон, встал, подошел ко мне и говорит: «Ты, говорит, состоишь с хозяйкой в таких-то, мол, предметах?» – «Состою!» Не говоря худого слова, хлоп меня по уху со всего размаха. «Вон! Сейчас вон отсюда!» Я очувствовался, говорю: «Хоть вещи... шапку...» – «Вон!» – и опять – раз! и в загринок дал таким родом, что и не опамятовался, как уж за воротами очутился... А он за мной ворота на замок – и шабаш!.. Так я, братцы мои, из полного моего великолепия прямо на Хитров рынок свалился, да уж через месяц, никак не раньше, еле-еле швейцаром в меблированных комнатах местечко получил... Вот какие перевероты происходят!.. А все нет-нет – и вынырнешь!..

– И ничего вынырял-то? Ловко? – спрашивали любители всякого успеха.

– Да вот как вынырнул: одна вынырнул я в струю, когда в Петербурге шли огромнейшие постройки... Тысячи домов строились... Тут я приткнулся – и получил высшее значение!.. Вот между этими самыми пальцами (истукан растопырил пятерню) прошли сотни тысяч... Доверия мне было сколько угодно; бывало, у меня в передней поставщики по полусуток ждут... И было бы хорошо, да сплеховал что-то антрепренер-то мой, поспешил он целый домище в пять этажей, – ан, он и ухнул, развалился. А с домом и мы с антрепренером-то развалились... А пожил, уж есть что вспомнить, да и меня помнят за это время во всех теплых местах в Петербурге...

– Как ты опять-то вынырнул?

– А опять я вынырнул по случаю освобождения Болгарии от мусульманского ига! Попал в отряд маркитантом... Было в моем распоряжении три тройки со всякою провизией, вина, сигары, карты – все! Трое кучеров у меня под командой, повара, два лакея, и я сам во главе!

Вот это братцы мои ст-рр-у-у-й-я! Это вон так настояще выплыл, вынырнул! Первым делом началось еще в Питере...

Пропечатал в газетах публикацию насчет желающих ехать на военный театр, то есть насчет поваров, кучеров, лакеев, и повалил ко мне народ... И что ж вы думаете?.. Каждый мне же сует в руки деньги, только возьми! Одна хорошенькая бабенка... «Что угодно! говорит, только увезите моего мужа, повара, на войну; я влюблена в другого!» Подумал, подумал,

вижу, дело подходящее – увез ее мужа, сделал ей удовольствие!

– Обоюдно, значит?

– Уж это понимай как знаешь!.. А как потом пошла «за-граница», так это надо два года рассказывать – не расскажешь всего! Золото, как дождь из ведра, в буфет лило!..

Вот карманы какие набухнут за день-то!.. А что касаемое жизни, как будто бы на облаках пребывал!.. Бывало, остановится отряд в ночь, раскупорим ящики, достанем коньяку, шампанского, закусок – всю ночь!.. Кучера, и те шампанское дули, как воду! Только у меня и расправа была – ой-ой!.. Один пьяный кучеришко напоил меня снова таким чаем, что я сейчас не отчихался от него... Зачерпнул спяна воды из колодца, поставил самовар, стали пить чай с коньяком, пьем как ни в чем не бывало, только что дух какой-то отзывает; подольешь полстакана финшампанского – и хлопнешь, а на утро оказывается – в колодце-то пятеро мертвых турок мокнут!.. Н-ну уж тут была расправа!.. Прямо полевым судом присудил и всю шкуру этому кучеру изодрал!.. Я тогда широко командовал! В Россию воротился, так у меня за пазухой две папиросных коробки из-под сотни были битком набиты золотыми-то!..

– Ловко ты, брат, выплыл!

– Бог даст, и опять выплывем в какую-нибудь хорошую струю... Н-ну, а тогда уж действительно была струя: уж я пошумел на белом свете!.. Поплавал!.. А уж жена, братцы, ка-

кая мне попалась!

И затем начался весьма обстоятельный рассказ о романтическом знакомстве верзилы с его будущей женой и самая тщательная характеристика этой своего рода замечательной женщины, как бы самою судьбой посланной истукану для еще более широкого и разнообразного продолжения его широкой и разнообразной жизни. Женская фигура, постепенно выяснявшаяся в рассказе человека в «этаким виде», была действительно в такой степени типична для характеристики людей того самого сорта, к которому принадлежал и сам рассказчик, что я, прежде нежели возвращусь к продолжению его рассказа, скажу несколько слов вообще об этом сорте людей, весьма многочисленном в настоящее время на Руси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.